

Когда кто-то из толпы спросил о силе магии Гарри Поттера, Дамблдор твердо ответил: "Я не думаю, что это уместный вопрос, и, честно говоря, это никого не касается. Я не вижу списка, в котором бы на всеобщее обозрение выставлялся рейтинг магической силы граждан, поэтому я, конечно, не стану раскрывать силу Гарри, чтобы весь мир мог ее изучать или обсуждать".

Очевидно, что Альбус Дамблдор будет держать своего нового наследника подальше от посторонних глаз.

После радикальной речи Дамблдора министр магии, уважаемая Миллисент Бэгнолд, вышла на импровизированную платформу, чтобы высказаться. Она согласилась с Дамблдором, что Г.Дж.В.П.. следует держать подальше от посторонних глаз. Она дала слово, что Министерство магии будет следить за мальчиком, чтобы он оставался на стороне Света. "Его можно будет обучать и направлять", - заявила она.

На вопрос, был ли Дамблдор лучшим выбором для воспитания ребенка, она ответила: "Я думаю, что отдать его на воспитание могущественному волшебнику, который твердо стоит на стороне Света, было хорошим решением". Она отказалась вдаваться в подробности о травмах, нанесенных Гарри Дамблдором, заявив, что "если враги ребенка будут знать все его сильные и слабые стороны, ребенок может оказаться в реальной опасности".

Она также призвала общественность не беспокоить Дамблдоров, пока они восстанавливаются после пережитого испытания. "Им нужно дать время отдохнуть и восстановиться. Дайте им пространство и уединение. Я уверена, что он сможет отвечать на вопросы менее резко, если его просто оставят в покое".

Надеюсь, со временем общественность сможет получить ответы на вопросы о "следующем Мерлине", которых она так жаждет.

"Гарри, ты устанешь", - назидательно сказал Дамблдор, когда Гарри вывернулся из его рук, и ему пришлось позволить Гарри поставить свои маленькие ножки на пол. Дамблдор вздохнул. "Хорошо, Гарри, но позволь мне сначала трансфигурировать для тебя хотя бы тапочки".

Дамблдор так и сделал, Гарри быстро поднял на него бровь, когда обнаружил на своих ногах львиные тапочки.

"Первое, что пришло мне в голову", - пожал плечами Дамблдор. Гарри поднял свою хорошую руку, решив, что ему лучше быть благодарным за то, что на нем нет лимонных капель или чего-то подобного, когда рука Дамблдора обхватила его руку.

Гарри и Дамблдор вышли из кабинета, Гарри был в полном восторге от того, что может передвигать ноги и ходить. Когда тебя носят на руках или засовывают в кроватку, любой может почувствовать себя ограниченным, запертым, загнанным в угол, зажатым в ловушку,

ограниченным, слабым, беспомощным... и еще много чего, о чем Гарри не хотел думать в данный момент.

Ахххх, твёрдый пол под пятками и пальцами ног, подумал он, неосознанно издав восхитительное воркование, от которого глаза Дамблдора заблестели. Гарри вдруг почувствовал, что старик его забавляет, и быстро понял, что причиной этого был он сам.

Гарри не мог его винить; он мог только представить, как жалко он выглядел, когда так радовался ходьбе. Гарри решил обвинить в этом свое младенческое "я", которое хотело исследовать, а не свое 25-летнее "я", которое хотело вернуть себе независимость. Да, во всем виноват младенец.

Что ж, раз уж он застрял в детстве, пока не повзрослеет настолько, чтобы стать "большим мальчиком", можно и повеселиться. Выскользнув из руки Дамблдора, он поспешил вперед так быстро, как только мог, ковыляя и шатаясь на ходу.

"Гарри, не спеши, ты втянешь нас обоих в неприятности", - сказал Дамблдор, хотя тон его голоса говорил Гарри о том, что он наслаждается моментом в пустынном зале не меньше, чем он сам, и его совершенно не волнуют возможные неприятности.

Гарри хихикнул, заставляя свои ноги слушаться, когда он бросился к доспехам, чтобы попытаться спрятаться за ними.

Это было странное чувство. Часть его думала, что это смешно - прятаться от своего старого друга и наставника, который, очевидно, только что увидел его за доспехами, но другая его часть была на взводе, гадая, поймают ли его 'Авбус' и пощекочет.

Как это делали его папа и мама.

Но они были мертвы. Они никогда больше не смогут играть с ним. Обнимать или целовать его, играть в "ку-ку", гоняться за ним, когда он летал на детской метле, которую подарил ему папа, пока мама в панике говорила что-то вроде: "Джеймс, я клянусь, тебе конец, если он пострадает!".

В своем воображении Гарри вдруг увидел, как его отец с улыбкой повернулся к маме и сказал: "Спокойно, женщина, с ним все будет в порядке. Я всегда буду здесь, чтобы поймать его".

И с этим что-то щелкнуло.

"Па-па!" Он разрыдался, внезапно почувствовав, как будто что-то очень важное, столь любимое им, было вырвано у него, и он только сейчас осознал это.

"Гарри!"

Он почувствовал, как руки подхватили его, быстро пытаюсь утешить, но он не чувствовал ничего, кроме потери, страха, боли и, от старшей части себя, глубокого гнева.

"Шшш, Гарри. ...шшш. Я здесь, я здесь". Дамблдор знал, что лучше не говорить, что все в порядке или что все в порядке, потому что все было не в порядке. После многих лет войны они оба поняли, что говорить такие глупости нелепо и очень раздражает.

Гарри, из которого быстро уходила энергия, опустил голову, прикоснувшись к лицу Дамблдора, и быстро обнаружил, что слезы текут не только у него. Коротко открыв глаза, он увидел, как слеза тонкой дорожкой стекает в большую белую бороду.

"Мой папа мелтв", - прошептал Гарри.

"Я знаю, Гарри. Я знаю", - сказал он так же тихо.

"Альбус?!"

Дамблдор быстро повернулся и увидел, что Флитвик смотрит на них широко раскрытыми глазами.

"Филиус", - пролепетал Дамблдор, Гарри теперь был совершенно спокоен, хотя сейчас икал.

"Все в порядке? Я слышал, как он кричал, а потом плакал", - нерешительно сказал он, переводя взгляд с Дамблдора на Гарри и обратно.

Дамблдор на мгновение собрался с мыслями, придумал несколько оправданий, но решил, что правдоподобным будет только одно.

"Мы играли, и он спрятался там; он хихикал и все такое, пока вдруг не начал звать своего отца. Я не уверен, почему он начал плакать", - сказал Дамблдор, придерживаясь правды.

"Вы оба в порядке?" - спросил он, глядя на Дамблдора с выражением, которого Дамблдор никогда раньше не видел.

Он беспокоится?

"Да. . . . Да, мы оба в порядке", - сказал он, потирая спину Гарри.

"Вы двое планируете сегодня ужинать в Большом зале?" спросил Флитвик, надеясь, что отвлечение внимания было лучшим вариантом действий, поскольку часть его самого была весьма обеспокоена тем, что его работодатель был в слезах и держал на руках расстроенного

младенца.

Может быть, он и невысокого роста, но не слепой, и он определенно был достаточно умен, чтобы понять, что если у кого-то в бороде проступает дорожка слез, значит, слезы туда попали. Он был Рейвенкловец, ради Мерлина!

"Мы планировали это, хотя..." начал Дамблдор.

"Альбус, я уверен, что вам обоим нужен хороший, большой перекус. И я уверен, что Гарри понравится воркование Минервы и других наших сотрудниц", - сказал Флитвик, слегка наклонившись вперед, чтобы лучше видеть Гарри, который внутренне боролся с собой, чтобы не закатить глаза или не сказать что-нибудь грубое о ворковании самок (не то чтобы кто-то понял сказанное).

Дамблдор посмотрел на Гарри, который беззаботно отвел взгляд.

"Ну что, Гарри, пойдём?" - спросил он.

Флитвику стало интересно, действительно ли Дамблдор ожидал ответа, но это же Альбус Дамблдор, все возможно.

Должно быть, Дамблдор получил какой-то ответ, потому что он снова посмотрел на Флитвика и сказал: "Мы будем там через несколько минут. Не стесняйся, скажи Минерве и остальным, чтобы они оставили место для Гарри. Он будет сидеть между мной и Минервой".

<http://tl.rulate.ru/book/63848/1975760>